

INNA SHVED

Брестский государственный университет
им. А. Пушкина, Брест

Охота и охотники в народной культуре белорусов

«Лес – божи гай. Бог даў яго людзям на патрэбу. Даўней ніхто табе не бараніў, хадзі па ўсёй пушчы да й карыстай усім, што табе любо. І людзі карысталі: лавілі ўсялякага звера, бралі ў дупленатых дзераўляках ат сьлепата мёд і воск, наглядалі да секлі сабе здатнае дзераво, пасьцілі гаўядо да выраблялі сенажаці ці выпальвалі да расчышчалі лес на поле <...> Тут табе грыбы й ягады, весною птушкі нанесуць яец, хаць ты у кош грабі, а ўсялякае жывёлы так багацько, што хаць у хлеў заганяй; не трэ ні пасьці, ні карміць <...>»¹, – читаем запись, сделанную Александром Сержпутовским в Слуцком уезде около ста лет назад. В преданиях и легендах о великанах – первых поселенцах на белорусских землях – говорится, что они не имели никакого хозяйства и «карміліся тым, што лавілі па лясам звярэй ды па вадам рыбу»². Рассказам и легендам носителей традиции – жителям лесной полосы Восточной Европы – вторят этнографы, историки.

Из истории охоты на Беларуси

Согласно материалам Станислава Терехина³, на которые мы опираемся, на всей территории современной Беларуси, начиная с каменного века, основ-

¹ А.К. СЕРЖПУТОЎСКИ: *Казкі і апавяданні беларусаў Слуцкага павета*. Мінск 2000, с. 198.

² *Легенды і паданні*. Склад. М.Я. Грынблат, А.І. Гурскі. Мінск 2005, с. 45.

³ С.Ф. ЦЯРОХІН: *Паляўніцтва. У: Беларусь: прамысловыя і рамесныя заняткі*. Рэд. В.К. Бандарчык, М.Ф. Пілпенка, В.С. Цітоў. Мінск 1995, с. 78–102.

ными объектами охоты были зубры, туры, лоси, олени, козы, кабаны, медведи (бурые и муравьеды), рыси, барсуки, бобры, лисицы, выдры, куницы, зайцы, глухари, куропатки (серые и белые), тетерева, рябчики, а также другие лесные и болотные птицы. На Полотчине, Витебщине, Лукомльщине преобладали в добыче лоси, на Минщине и Туровщине – зубры, на Погорынье – бобры, в окрестностях Клецка – косули, Волковыска – кабаны. Кости первобытного быка – тура найдены на городище древнего Пинска и представлены только одним животным, убитым в XIV–XVI вв.; последний тур был убит в 1627 г. в Янтровской пуще. В IX–XI вв. необычайно популярной стала охота на пушных зверьков, шкурки которых пользовались большим спросом – ими платили дань, их использовали в качестве менового эквивалента, а затем и денег. «Денежной» единицей при этом выступал бунт – перевязанный шнуром и опечатанный свинцовой пломбой связок из 18 шкурок куницы, соболя либо белки. На каждом был знак – трезуб, звездочка, образ человека, буква и т.д.

В результате антропогенного воздействия на природу вслед за европейскими турами в середине XVIII в. исчезли тарпаны. В 1809 году в Беловежской пуще осталось всего 350 зубров, исчезли медведи, а об оборигенных оленях население в XIX в. даже не помнило. В 1868 г. в музей Горецкого земледельческого училища было передано чучело последнего черного зайца, который водился в Копыльском повете Могилевской губернии. Не стало соболя, медведя-муравьеда, россомахи, лесного кота, дрофы. В 1919 г. (либо в 1921 г.) браконьером, причем лесником (!), был убит последний зубр.

Согласно археологическим, письменным, иконографическим материалам, для охоты использовали практически все виды боевого оружия: луки, копья, дротики, рогатины, топоры, сабли, ножи и даже палицы. Огнестрельное оружие начало применяться в охоте с конца XV – начала XVI в. и изначально было доступно только богатой шляхте. Когда такое оружие оказалось в руках крестьян, они, в отличие от шляхты, берегли пули и стреляли только в том случае, если были уверены в попадании. Специфическими охотничьими приспособлениями, которыми по большей части пользовался «люди посполитый», были различные по конструкции, форме и материалу самоловы: западня, ловчая яма, сети, петли. Ловля такими способами требовала знания особенностей жизни, нравов каждого животного и была чисто промысловым занятием, которым брезговала богатая шляхта, магнаты. Для шляхты охота бала забавой, компанейским застольем, возможностью показать свою удачу, смелость. Крестьяне иронизировали по этому поводу: «Вала з'ядуць, пакуль зайца заб'юць»⁴. В 4-м очерке Адама Гонория Киркора «Природа Белоруссии» (1882 г.) относительно Белорусского Полесья отмечается:

---

⁴ Ibidem, с. 90.

Охота как на зайцев и птиц, так в особенности на дикого зверя (облавы), также как в Литовском полесье, составляли любимое звание дворянства и в Белоруссии. Приемы те же как и в Литве. Те же приживальцы (резиденты), командующие охотою, стрельцы, стаи собак и т.д. Конечно, теперь многим не до охоты, да и нет прежних удобств. Крестьян нельзя согнать на охоту, с зачетом им проведенного на охоте времени за барщину. Впрочем, охоты на дикого зверя и теперь совершаются так-же торжественно, хотя гораздо реже. Очевидец и конечно сам охотник, белорус, почтенный генерал Без-Корнилович, вот как описывает охоту в Белоруссии, в недавнее время (1855): «Если стрельцы донесут, что обошли лося, медведя или нашли гнездо волков, тогда помещик дает знать соседям, приглашая их к себе в назначенный день на охоту: собирает стрельцов и крестьян. Охотники устраивают облаву, размещая крестьян полукругом по дороге или просеке; другой полукруг занимают стрельцы; стремянный ведет собак вокруг отъезжаго поля и оттуда их спускает в лес, чтобы гнали зверя на охотников; сам верхом скачет за собаками, ободряя их трубным звуком. По особому лаю гончих охотник узнает, что собаки напали на след зверя, разставленные по дороге крестьяне криком и стуком принуждают зверя бежать в ту сторону, где стоят стрельцы, которые их убивают. Все убитые на облаве звери принадлежат хозяину»⁵.

В конце XIX в. охота с ружьем приобрела в высших социальных слоях спортивно-любительский характер, и только у крестьян и некоторых горожан-«местачкоўцаў» она сохранила значение занятия, приносящего дополнительный заработок. Эта же часть населения занималась охотой на пушного зверя при помощи самоловных приспособлений, которые с XVIII в. пополнились железными фабрично-заводскими устройствами типа капканов. Шляхта, чиновники, интеллигенция считали такое занятие унижительным. Деревенские же охотники, наоборот, проявляли «профессионализм» в установке «жалезаў»: вываривали их, запаривали в отваре хвои, трав, никогда не брали голыми руками и т.д. На волков и лис капканы ставили «в след», носили волчью лапу, отпечаток ее оставляли на снегу, которым присыпали капкан. Летом натирали обувь конским навозом, а для маскировки использовали сухую траву и листву. Куропаток, особенно зимой, когда мороз и голод гнали их к человеческому жилью, ловили прямо на дворе, на гумнище, при помощи силка (волосяной петли на шнуре, натянутом крест-накрест на обруч). Силки для рябчиков размещали между двух ветвей: на нижнюю птица садилась, заметив приманку, к верхней привязывали несколько рябиновых гроздей. Склевывая ягоды, рябчики подскакивали и «засильвались». Дупелей весной на токовище крестьяне ловили свитыми в длинный шнур петлями и продавали птиц городским «гурманам»; при этом уничтожались целые «высыпки» – массово появив-

⁵ *Живописная Россия*. Ред. П.П. СЕМЕНОВ. С.-Петербург. Москва 1882. Т. 3, с. 337.

шиеся на короткое время стаи болотных птиц. Дупелей также использовали (и используют до наших дней) в натаске молодых подружейных собак. Одиночными петлями ловили не только зверей, но и птиц, в частности уток. Буквально сотнями их отлавливали с чучелом или «манькутай» – подсадной уткой, за которую охотник готов был отдать «лишнюю корову». На востоке Беларуси в середине XIX в. крестьяне добывали столько уток, что считали их не на десятки, а на «пуры» (три пуда). Копченые утки вывозились за границу целыми обозами. В полесской семье их на зиму засаливали по бочке, около полусотни коптили, а две-три сотни продавали.

Кроме чисто промышленного, охоте придавался также азартный характер. Этим отличалась охота на глухаря – очень осторожную птицу, мясо которой считалось не только вкусным, но и способным сделать человека умнее. Полагали, что застать врасплох глухаря можно только на токовище, при этом охотник должен был сначала сходить «на подслух» и «посадить» самца, который, избрав дерево для музыкально-вокального соблазна самки, оставался на нем до следующего утра. Способности перенимать голоса животных требовал способ охоты «вабам»: рогом призывали оленя, пищалкой – рябчика, деревянным свистком или имитацией губами мышиноного писка – лиса, подвывкой – волчат. При охоте на хищников (волков) нередко использовали поросенка. Стрелки ехали вдоль леса и тянули за собой на 20–25-метровой веревке мешок с навозом домашних животных и время от времени тягали поросенка за ухо или хвост. На его визг сбегались волки, бросаясь на приманку, которая волоклась за санями. Это приводило к их гибели. В свою очередь, изголодавшиеся волки могли бросаться на охотников, разрывая их на части. Волка выслеживали и по следу, подползали к нему на расстояние гарантированного выстрела. Один охотник, М.М. Булка из деревни Плещеницы, убил так 600 волков, испытывав при этом «чувство удовольствия и азарта». Убивали волков также около логова, на зимних волчьих переходах, возле конских кладбищ, травили стрихнином. Кроме того, на них охотились «с флажками» – участок леса, где выследили волчью стаю, обводили веревкой с красными ленточками, а утром загонщики поднимали шум и гнали волков на охотников. Известный охотник из Климовичей П.Ф. Прудников гордится тем, что на его счету более 1000 волков.

Наиболее опасной считалась охота на медведя и кабана. Не случайно говорили: «Ідучы на мядзведзя – засцілай ложка, а на кабана – пасылай за папом»⁶. Наряду с этим сохранилось немало сведений и об «удалых» охотниках:

---

⁶ С.Ф. Цярохін: *Паляўніцтва...*, с. 99–100.

В числе дворовых людей и даже крестьян есть записные охотники, отличающиеся не только меткою стрельбою, но необыкновенною смелостью, находчивостью и удалью. Без всяких приготовлений, такой охотник, один с плохим, полуизломанным ружьем да ножом за поясом, выследит медведя или другого крупного зверя, допустит его к себе на несколько шагов и метким выстрелом положит на месте. Есть и такие молодцы, которые без ружья, с ножом да секирою бросаются на зверя и одолевают его⁷.

Вместе с тем считалось, что таких практических умений, знаний жизни животных и смелости недостаточно для того, чтобы стать хорошим, «знающим», охотником. Охотничье знание передавалось в семье из поколения в поколение и, будучи связанным с индивидуальной выгодой, держалось в секрете. Возможно, поэтому собирателям удалось зафиксировать сравнительно мало такой информации, в том числе охотничьих заговоров.

«Зверына й будзе падаць табе пад ногі бы скошаная трава», или «знающий» охотник

В белорусской традиции существует значительный корпус верований, касающихся охоты⁸. Специальное умение, связанное с охотой, трактуется как магическое знание, обеспечивающее успешность промысла, непосредственно соотносимого с удачей. Удача, изменчивое охотничье счастье, ставилась в зависимость от воли сверхъестественных существ, с которыми охотник должен был заключить союз: например, на перекрестке дорог выстрелить в месяц либо, беря на мушку зверя, произнести заклинание: «Цураюся бацькі і маткі, анцыхрысцы мае!»⁹. Такой охотник отрекается от христианской веры, «отца и матери» – заключает союз с нечистой силой. С этого момента «нечистый» помогает «знающему» охотнику – ему нет необходимости рисковать жизнью, прилагать усилия, чтобы заполучить много животных. Они сами будут идти под выстрел и в капканы, что является несбыточной мечтой охотника.

В имеющихся в моем распоряжении нарративах становление охотника описывается аналогично становлению колдуна; при этом обязательна

⁷ Живописная Россия..., с. 337.

⁸ И. Швед: *Традиционные верования белорусов, связанные с охотой.* «Живая старина» 2008, nr 2 (62), s. 8–10.

⁹ *Зямля стаіць пасярод свету... Беларускія народныя прыкметы і павер'і.* Уклад. У. Васілевіча. Мінск 1996, с. 435.

апелляция к демонологическим представлениям. Как и колдовство, охотничье «знание» можно получить от опытного охотника-колдуна. Согласно быличкам, старший колдун советует охотнику продать душу черту, надругавшись над святыней, например выстрелить в заземленное в дереве причастие. В одной из таких быличек говорится, что как только охотник собирается это сделать, видит около дерева самого Христа. Испуганный охотник бросает ружье и бежит куда глаза глядят. «Дақ от як замаўляюць стрэлбы да робяцца знатнымі ахвотнікамі», – заканчиваются подобные рассказы¹⁰. Колдун одним только прикосновением к оружию может обеспечить сверхъестественную удачу в охоте. В одной из быличек повествуется:

Пашлі раз нашы дзецюкі на ахвоту. Шляліся яны, шляліся чуць не ўвесь дзень, абшылынгалі яны чуць не ўвесь лес, а нічога не трапілі да й ідуць да гасподы з пустымі торбамі. От падходзяць яны ўжэ чуць не к самай вёсцы, як сустракае іх каваль Гарасько. А Гарасько у нас слыў чарадзеянікам. Спаткаліся яны, закурылі люлькі да й жаляцца Гараську, што нічога не ўпалявалі. Ён усміхнуўся, падзяраўся за стрэлбы да кажэ: «Ну, от цяпер папробуйце пашукаць дзічыны». Толькі ён гэто вымавіў, як ось і гоніць сабака зайца. Злажыўся адзін ахвотнік да як смаляне, дак заяц толькі падскочыў да й ногі выпруціў¹¹.

Для того, чтобы заполучить «охотничье счастье», достаточно было оставить ружье на ночь на могиле известного колдуна:

Калі стрэлба жывіць, кладуць яе на нач на могліцах поруч прыклада на магілу вядомага чарадзеяніка, та яна з тых часоў не будзе жывіць; даволно, калі хоць адна шараціна зачэпіць, дак зверына падае нежывая, бы сноп¹².

В приведенном предписании, как и ряде подобных, важна, кроме всего прочего, актуализация идеи смерти (чтобы ружье било зверя насмерть, оружие также клали в воду, которой обмывали умершего, вымазывали ствол кровью убитой дичи и т.д.).

По некоторым представлениям, необходимое посвящение в охотники, связанное с получением особого сверхъестественного знания при помощи колдуна, должно происходить в «нечистом» месте, на «ростыньках» (перекрестках дорог) – перед толпой грозных чудовищ, готовых в любую минуту накинуться на ученика и разорвать его. После разных страшилищ

¹⁰ А.К. СЕРЖПУТОВСКИ: *Прымхі і забабоны беларусаў-палешукоў*. Мінск 1998, с. 272.

¹¹ Ibidem, с. 276.

¹² Ibidem, с. 271.

к испытываемому должно подойти новое чудовище, у которого голова накрыта огромным горшком. Остановившись около охотника и последний раз сильно напугав его, чудовище должно снять горшок со своей головы и накрыть голову охотнику. Если последний не испугается, то навсегда сделается отличным стрелком. Если же он выдаст свой испуг движением, разозленные чудовища накинутся на него и вместе с верховодой-знахарем разорвут на части¹³. В предании «Вужава карона» охотник по совету встреченного в лесу незнакомца отыскивает на Воздвижение ужиную корону, получает за это черную собаку, и она помогает охотнику все время добывать необычайно много дичи¹⁴.

Таким образом, охотник, сохраняя социальные, профессиональные, этнические признаки человека, отрекается от принятых в социуме норм, реализует свои магические способности, трактуется как «знающий», «вядзьмар». «Кожан паляўнічы вядзьмар здалёк пазнае, ці выстрал трапіў, ці хібіў, каб нават і за мілю быў ад стралца»¹⁵. Конечно, не каждый охотник должен быть «вядзьмаром», которому помогает нечистый. Существует противоположная точка зрения, согласно которой ружье может плохо стрелять, так как в нем сидит черт. Чтобы исправить положение, такое ружье моют отваром коры молодой осины¹⁶ (осина как «чёртова сила» является универсальным апотропеем – по принципу «клин клином вышибают»). Нечистая сила может принимать вид промыслового животного и морочить охотника. К числу наиболее общих представлений относится убеждение, что с охотниками враждует леший, который любимыми способами отводит их в сторону от дичи и заставляет их заблудиться (особенно если охотники убивают слишком много животных). Подобные верования проясняют генезис заговорных мотивов с уговором об обмене типа: «<...> а лесу часному и лясному хазяину паклон аддаваў і падаркам яго надзяляў: хлемам да соллю, да калелкораву рубаху, да шаўковую падпаяску»¹⁷. Покровителем охотников может считаться св. Юрий, который вместо собак имеет волков.

Договора с мифологическими хозяевами леса («лесавіком», «часным лесу», «дабрахожым») недостаточно для обеспечения и особенно сохранения «охотничьего счастья», поскольку его могут отобрать магическим образом – «сглазить» охотничьи снасти, ружье, собаку, самого охотника. Нередки рассказы «заядлых» охотников о том, как злоумышленники «робяць», что на охоте «жывіць будзе, хоць галаву адсячэ, а звер усяроўна

¹³ *Зямля стаіць пасярод свету...*, с. 435.

¹⁴ *Легенды і паданні...*, с. 196–197.

¹⁵ *Зямная дарога ў вырай. Беларускія народныя прыкметы і павер'і*. Уклад. У. Васілевіча. Мінск 1999, с. 87.

¹⁶ *Зямля стаіць пасярод свету...*, с. 432.

¹⁷ *Замавы*. Уклад. Г.А. Барташэвіч. Мінск 2000, с. 35.

б'ягчы будзе». В охотничьей магии выделяются действия, совершаемые с целью порчи ружья. Для этого, в частности, натирают ружье волосами умершего. Если посторонний человек, услышав выстрел, вывернет карман, то следующий за этим новый выстрел из того ружья не будет точным. Если же во время выстрела карман будет вывернут у самого стрелка, тот обязательно промахнется. Услышав выстрел, что-то приговаривали над своим ружьем, ломали вершину ольхи либо иголку, чтобы тот, кто стрелял, никогда больше не попал в зверя¹⁸. Того же самого эффекта ожидали, когда затыкали в просверленную в осине дыру найденный после выстрела «кляк» (войлочная или картонная затычка, которой забивают заряд в оружие, заряжающееся с дула, или прокладка в середине патрона, отделяющая заряд от пули). В данном случае имеет место вредоносная магия, направленная на замыкание удачи.

Естественно, традицией разработана и система магического противостояния охотничьим чарам. Рассказывали:

Быццам ёсць такія чараўнікі, што калі ён патрымае у руках стрэльбу, дык з яе нічога не застраліш, калі й лучыш у звера ці птушку. Каб адрабіць тыя чыры, дык калі ўбачыш звера (першага пасля чараў), трэба стрэльбу махнуць назад ды праз яе перакінуць нагу, хутка падняць яе ўгору ды стрэліць на звера ці птушку, а калі застрэліш, дык чары перастануць дзеіць на гэту стрэльбу. Само сабой зразумела, калі стралец, прапрабіўшы гэтыя рухі са стрэльбай, ды зможа застрэліць звера ці птушку, дык ягоная стрэльба ніколі жывіць не будзе і ніякія чары на яе дзеіць не будуць¹⁹.

Действенным средством достижения успеха на охоте считались обереги, магические процедуры, заговоры. Одни из них были направлены на защиту охотника от зверя, другие – на защиту охотничьих снастей, ружья от чар. Чтобы сделать свое ружье нечувствительным к сглазу, чтобы от его выстрела «зверына падала, бы скошаная трава», охотник переступал левой ногой через порог, правой ногой оставаясь в доме, и три раза протягивал ружье между ног, потом вытирал его о брюки или клал под левую мышку и шептал:

Ты ручніца, пракрасная дзявіца, бі, не жыві, не мыляй, у самае сэрца пападай, бі з пляча, як у цэркві ясная свяча. Рыно-Марыно, свінец волава чыстае, мае воко быстрае, бі з пляча, як у цэркві ясная свяча. У што навяду, усе разаб'ю. Ты ружэйная сіла, полно табе стаяці, трээ кроў праліваці, жоўтую косьць ламаці.

¹⁸ *Зямля стаіць пасярод свету...*, с. 436.

¹⁹ *Ibidem*, с. 436.

После этого охотник стрелял из-под мышки назад.

После гэтаго з такою стрэлбаю як пойдзеш у лес, та зверына сама-такі будзе на цябе бегці, так табе будзе шанцаваць, а як стрэльнеш хаць у той бок, дак зверына й будзе падаць табе пад ногі бы скошаная трава. – Так казаў Іван Порца, а ён быў вельмі вялікі знахор²⁰.

Чтобы после попавшего в цель выстрела зверь не оставался живым, под дуло клали лапку крота либо коготь чайки, который перед этим должен был полежать под корой осины. Чтобы ружье хорошо било, было «счастливым», рукоятку вырезали из придорожной березы, потертой возами и вымазанной смолой. Чтобы ружье не «жило» (т.е. чтобы каждое животное, в которое из этого ружья попали, погибало сразу, не оставалось живым), его прополаскивали уксусом, а также водой, в которой заквашивали тесто. При этом заговаривали:

Адгаварваюцца урокі, радасныя і завісныя, і з радасці, і з завісці, і мужчынскія, і жаночкія, і дзявічыя, і малых дзяцей, і сустрэчных, і папярэчных, і жадных поглядаў²¹.

Приведенный заговор интересен тем, что дает представления о том, кто/что и почему может помешать удачной охоте. Ружье также прополаскивали водой, которая оставалась после обмывания умершего («Каб стрэльба не жывіла, у рулю [ствол] наліваюць тае вады, у каторуй мылі мерцвяца»²²).

Для обеспечения хорошей охоты просовывали ружье через дымоход («шчалугу») в стене избы; часть ружья, называемую «люфта», закладывали под порог свиного хлева в навоз на три дня. Кроме того, засовывали в ствол змею-медянку, чтобы она там «здохла», или, набив дробовик засунутой в ствол змеей (нередко черной), стреляли; стреляли также солью. Могли при этом целиться в осину, которая находилась на расстоянии 33 шагов²³, и маленькими осинками забивать дырочки от дробинки. «Калі некалькі стрэлаў – „пудалі“ [промахивались], да набою трэба дабаўляць адну ці дзве шрацінкі [дробинки], знойдзеныя ў мясе раней упаляванага звера»²⁴. Чтобы магически передать ружью силу «небесного огня», молнии, пули натирали пеплом с обожженного молнией дерева; ружье набивали порохом, «а наверх уганяюць у рулю гадзіну, й страляюць на вецер <...>

²⁰ А.К. СЕРЖПУТОЎСКИ: *Прымхі і забабоны беларусаў-палешукоў...*, с. 271.

²¹ *Зямля стаіць пасярод свету...*, с. 431–434.

²² А.К. СЕРЖПУТОЎСКИ: *Прымхі і забабоны беларусаў-палешукоў...*, с. 154.

²³ *Зямля стаіць пасярод свету...*, с. 431–433.

²⁴ *Ibidem*, с. 433.

з яе страляюць у цэль у тое дзераво, што яго разбіў пярун»²⁵; брали щепку, отбитую от дерева молнией, и прибывали ею пулю. Чтобы стать хорошим стрелком, необходимо было взять из трех колодцев воды, часть ее вылить налево, а остатками промыть ружье со словами: «Гром б'е, бліскавіца паліць, святы Пётра свінец правіць!»²⁶. Приведенный заговор апеллирует к мифологеме Громовержца, «небесного огня». «Огонь земной» также фигурирует в охотничьей магии. Так, чтобы дичь выбегала на охотника сама, ружье просовывали три раза через окно в доме или под потолком, когда выходил дым, а также окуривали его головешками. Когда чистили дробовик, паклю не выбрасывали, а сжигали, так как в противном случае дробовик будет «живиць»²⁷.

С осторожной целью в купальскую ночь клали ружье в воду, которая никогда не слышала голоса церковных колоколов, натирали ствол купальскими травами, смазывали в середине дуло кровью из мизинца или кровью убитого зверя, кровью из сердца застреленного ворона²⁸. Отметим, что образ воронов фигурирует и в охотничьих заговорах типа:

На моры, на кіяні, на востраві на Буяні стаіць ізба без вокан, без дзвярэй.
Хто у той хаці? А у той хаці тры вараны, тры арлы ружжо замаўляюць
і замочуюць порах і свінец, і страляць ужо ружжо канец²⁹.

Существуют заговоры на успех в охоте на определенных зверей: зайцев, уток, медведя. Так, «шуры да буры, ветры кавуры» должны наносить «глуздоў, цяцерак, // Гусей і вутак, // Малога птаства, // Як цёмнай хмары». И далее: «Як наганялі // Лісіц і зайцаў, // Ласей і дзікоў <...>»³⁰.

Известен круг особых предписаний для человека, собирающегося на охоту. Для перемещения охотника из сферы культуры в природное пространство он символически отгораживался от человеческого, приобретая характеристики не-человеческого (как это представляло себе мифопоэтическое сознание): немоты, невидимости, незрячести и «перевернутости». Охотники не говорили о сборах на охоту, из дома выходили в сумерки, чтобы их никто не видел и сами старались никого не увидеть, в лес заходили задом наперед. «Кажуць старыя, што найлепш выходзіць з хаты так, каб ніхто не бачыў, то і пашыкуе»³¹. Всё делали наоборот: думали одно, говорили другое – ср. современное пожелание «ни пуха ни пера!» Тем, кто

²⁵ А.К. СЕРЖПУТОЎСКИ: *Прымхі і забабоны беларусаў-палешукоў...*, с. 154.

²⁶ *Зямля стаіць пасярод свету...*, с. 431.

²⁷ Ibidem, с. 433.

²⁸ Ibidem, с. 431–432.

²⁹ *Замовы...*, с. 35.

³⁰ Ibidem, с. 33.

³¹ *Зямля стаіць пасярод свету...*, с. 437.

отправлялся на охоту, не желали успеха и с ними не прощались: «Як ідуць на ахвоту, та не трэа нічога жычыць ім, бо нічога не заб'юць»³²; «Хто адходзіць на паляванне, то няможна яму прыказваць, каб з парожнымі рукамі не прыходзіў да хаты, бо пэўна ніц не заб'е». В Полесье перед охотой держались за женское колено: «Выходзячы на паляванне, трэба папрасіць, каб якая баба або дзеўка калена паказала, то і паляванне добра ўдасца»³³. Вместе с тем верили, что из ружья, через которое переступит беременная женщина, никогда никого не убьешь. Если по дороге на охоту человек встречал кого-нибудь, ему необходимо было первому заговорить со встреченным³⁴.

Потомственный охотник, житель деревни Карпеша Березовского района Брестской области Григорий Иосифович Гутич, 1932 года рождения, рассказал мне о своем отце:

Он под ружьем всегда носил змеи кожу (змея спускает кожу весной, сухую кожу и носил). Если попала хоть одна дробина, значит, всё, уже не уйдет зверь. А второе шчэ в его е: мы все идем на охоту, приходит он, если только увидел женщину, отдает ружье и идет домой – не повезет. Если только встретил мужчину, сёння охота будет. Вот такая вера у него была. А сам ружье не берет, подает жена и, значит, ему повезет. Так и было: если жена не подала ружья – не везет.

Относительно охоты традиция определяла наиболее благоприятное время. Считается, что охотиться на тетеревов, горбатов лучше «на маладзіку, бо тады ўсё птаства найхутчэй ідзе на ваб». В воскресенье или в праздник запрещалось охотиться: «грэх, і можа якая прыгода нядобра стацца»³⁵.

На охотников и на том свете может падать месть убитых ими животных. Верили, что человек, который охотился в воскресенье и в праздничные дни, испытывает после смерти страшные муки: над его головой висят животные, убитые им в эти дни, и с их свежих ран на голову и на все тело умершего капает жгучая кровь. В предании о целебном источнике около деревни Горки на Гродненщине повествуется об охотниках, которые на Пасху ослепли и блудили по лесу десять недель. Потом им объявилась Богородица и указала колодец, в котором они промыли глаза, после чего прозрели. Спорадически встречается представление, что если в большой праздник ружье останется заряженным, оно не будет стрелять точно в цель³⁶. Подобные представления о грешности охотников, об их прижиз-

³² А.К. СЕРЖПУТОЎСКИ: *Прымхі і забабоны беларусаў-палешукоў...*, с. 153.

³³ *Зямля стаіць пасярод свету...*, с. 437.

³⁴ *Ibidem*, с. 432, 437.

³⁵ *Ibidem*, с. 438.

³⁶ *Ibidem*, с. 438.

ненных несчастьях и посмертных муках за убитых зверей известны и другим славянам, в частности сербам. Большим грехом на украинских Карпатах считалось стрелять зверей на продажу.

Результат охоты старались определить по ряду примет. Например, если волк дорогу перебежит – добрый знак, если заяц – плохой. Не предвещало ничего хорошего охотнику и то, что дорогу ему перешли девушка либо женщина (особенно беременная) или человек с пустой посудой³⁷; «Калі баба сустрэне, як ідуць на ахвоту, та нічога не заб'юць»³⁸. Если охотничья собака качается и подскакивает по дороге на охоту, то промысел будет удачным: «Зверына будзе куляцца пад ружынай». Однако если собака трусит неохотно и даже сопротивляется, лучше не начинать охоту. Охотники старались выйти на охоту на Коляды (Рождество) и по тому, подстрелят ли они что-нибудь, загадывали на следующий год³⁹. Во время самой охоты «як пачуюць выстрал, та па голасу пазнаюць, забіў што ахвотнік ці не: калі глухі голас, та забіў, а калі громкі, што аж пошчак разлягаецца, та пеўне спудлаваў»⁴⁰.

Выделяется ряд животных, с которыми отношения охотника особо маркированы. Много рассказывали о встречах охотника с волками, причем последние очень осторожны в таких случаях и могут мстить за убитых сородичей, отобранных волчат. Утверждается, что охотники могут враждовать с колдунами, которые охраняют зайцев. Особенности взаимоотношения охотника и зайца отражены в веровании, что ружье может испортиться от стрельбы по зайцу, если охотник не поднимает убитого зверя своими руками. «Хочучы паправіць сапсаваную згаданым спосабам стрэльбу, трэба пакласці ў хаце каля парога так, каб баба з раніцы, ідучы першы раз на двор да ветру, пераступіла цераз яе». Охотникам запрещалось стрелять в воду: по рыбе во время нереста, когда ныряет утка или при охоте на выдру и норку – «Самая выдатная стрэльба будзе жывіць»⁴¹. В предании «Лебедзева» рассказывается о том, что даже самые заядлые охотники не трогали, не пугали лебедей, так как они охраняют озеро, скрываясь от людей, строят и ремонтируют спрятанные под водой плотины и дамбы⁴².

Хотя охота воспринимается земледельческой деревней как профессиональное занятие, паремийный фонд указывает на отношение к охоте если не как к отрицательному, то как к несерьезному занятию: «У паляўнічага часта і заяц пудовым бывае»; «Рыба і зайцы завядуць у старцы»; «У стральца дым густы, ды абед пусты»; «Хто палюе і рыбачыць, той хлеба рэдка

³⁷ Ibidem, с. 435, 437.

³⁸ А.К. СЕРЖПУТОЎСКИ: *Прымхі і забабоны беларусаў-палешукоў...*, с. 153.

³⁹ *Зямля стаіць пасярод свету...*, с. 437.

⁴⁰ А.К. СЕРЖПУТОЎСКИ: *Прымхі і забабоны беларусаў-палешукоў...*, с. 153.

⁴¹ *Зямля стаіць пасярод свету...*, с. 435, 432, 433.

⁴² *Легенды і паданні...*, с. 311.

бачыць». Согласно легенде «Якую хлеб раду даў», человек, занимающийся охотой и рыбалкой, горюет, что хлеба нет, а хлеб говорит: «Пакінь стрэльбу і вуду, то я цябе буду»⁴³. Охотника называли «валачашчы чалавек».

Мотивы охоты присутствуют в ряде видов и жанров белорусской традиционной культуры. В частности, на Брестчине ряженые на святки разыгрывают сценки про охоту: охотник бежит с ружьем по хате, «убивает» козла и несет его в котел. Элементы свадьбы, в частности сватанье, могли символически осмысляться в категориях охоты, охотничьей добычи, что представляло собой одну из модификаций идей отделения и присвоения. Сваты могли представляться охотниками в поисках «пушнога зверя» (белки, куницы, лисицы), который, по их словам, забежал во двор невесты (двор в ритуальных диалогах называется лесом). Мотив охоты (за «зооморфной» невестой) характерен и для свадебных песен, где стрельцы – это сваты:

Ой, з горы, горы // Стральцы б'юць, // В молодзі Верочкі сваты п'юць. // Ой, п'юць, воны п'юць, ночуюць, // Все нашу Верочку торгуюць: // Бацько кажэ: // – Ны продам, // Прыдэ молодой, так отдам (Горск Березовского района).

Походзіла серая козка по лужку, // Пошукала себе месцінку полежаць. // – Ой, не боюся стральцоў, // Шчо заб'юць, // Боюся шэраго воўка, // Коб не з'еў. // Походзіла молодая дзевочка по снях, // Пошукала себе месцінкі, // Дзе посядзець. // Не боюся сватоў, // Шчо зап'юць, // Боюся молодого жанішка, // Коб не ўзяў. // Учора прыходзіў – // Подаркі прыносіў, // Заўтра прыедзе – мане забарэ (Дятловичи Лунинецкого района)⁴⁴.

Чему учит жизнь в лесу, или «с животными нужно разговаривать»

В заключительной части надо отметить, что мечта охотника, чтобы «зверына падала табе пад ногі бы скошаная трава», не обязательно делает из него человека, жаждущего только крови животных. Охотники по-своему (мне лично не совсем понятно как), но любят природу. Во всяком случае, они могут вырастить детей, с благоговением относящихся к любой жизни: паука, ласки, коня, цветка... Чтобы не быть голословной, приведу фрагменты из интервью жительницы деревни Люта Брестского района, 1949

⁴³ Ibidem, с. 70.

⁴⁴ Фольклорный архив лаборатории «Фольклористика и краеведение» Брестского государственного университета им. А.С. Пушкина (руководитель – И.А. Швед).

года рождения, – дочери охотника, лесника традиционного склада. Многие представления дочери о мире природы и месте человека в нем были сформированы отцом. Женщина не рассказывает о «профессиональных» занятиях отца, но часто апеллирует к его практикам, основанным на народной традиции. В рассказах о приходивших в дом лесника и охотника людях, о выстраивании взаимоотношений с лесом (приютившим и кормящим человека, лечащим и принимающим его после смерти), о разговорах с животными и растениями, об их душах и т.д. ярче всего проявляется дискурс и мировосприятие человека, чье становление было связано с жизнью в лесу. Обращает на себя внимание некая всеохватывающая любовь женщины ко всему живому, которое – от домашних до диких животных, деревьев и цветов – имеет душу. Формирование мировоззрения девочки было обусловлено жизнью в семье охотника, лесника:

Вы знаете, я вообще дочка лесника, охотника. Всю жизнь прожили мы в лесу, с детства. И в лес приходили в те времена, послевоенные времена, приходили люди. Я сама маленькая была, приходили в лес, потому что не было там ни брикета, ни торфа, ничего. Люди приходили в лес и сами приготавливали дрова. Я вам расскажу, такой Никанор его звали почему-то, такой дедушка. С бородкой вот такой, я его в детстве запомнила. Самотканые штаны у него были и на веревочке такой скрученной они подвязаны были, и холщевая рубашка. Ну вот все такое домотканое на нем было. Вот и он приходил в лес рубить деляночки, дрова заготавливать. И он с утра рубит-рубит, и вот в обед он приходил к нам туда на лесничевку. Водички свежей набрать и поесть. Еда у него была: кусок хлеба домашнего, в холщевую тряпочку такую, но тряпочка такая черненькая была, мне так запомнилась, грязненькая была. В то время чем стирали, порошков же не было, чтобы отстирать, отбелить, оно, видно, какое соткалось, такое и было. И вот он это разворачивает, так бережно, аккуратненько разворачивал это, и потом к себе прижимал и сбоку отрезал такой ломоть. А мы ж дети, там бегаем, а он говорит: «Это зайчиков хлеб». И мы его ели. С таким аппетитом ели этот ржаной хлеб, 50-е годы ж были. А потом себе кусочек. Мешочек у него такой холщевенький, в нем груши, дички-гнилки, мягенькие такие – это был его обед такой. И вот этот дедок поест груш с хлебом этим, попьет с колодца водички, ложится под стожок и спит. Поспал и пошел дальше дрова заготавливать. И он тогда много рассказывал. Говорит: «Еще настанет время, когда китайцы в Буге будут коня поить». Вот он говорил такое. Вот у него кусочек газеты был, скрутит, насыплет туда мохорочки, курит сидит и рассказывает это. И пальцы у него такие обгорелые, желтые. Вот помню это все. И говорил, еще настанет время, когда вся Земля будет у нас проволокой обтянута, и люди не будут печки топить, дрова заготавливать. Откуда он это в то время... говорил, что настанет еще время, когда брат на брата пойдет войной, и сын на отца, а отец на сына. Вот это я слышала. Это я была маленькая, еще в школу не ходила.

Уже будучи взрослой, женщина размышляет на тему услышанных в детстве рассказов о признаках конца света – и душа болит:

Смотришь, это как через столетие, полтора столетия повторяется. У меня сейчас сложилась такая мысль: откуда они могли все это знать, потому что сколько болезней придумали. Рака же не было в то время, но его же сделали. Так же само и колорадские жуки взять эти, их же не было у нас, из Америки из Колорадо (поэтому он и зовется колорадским) привезли его сюда. Леса выедают короеды. И все идет на уничтожение, душа болит.

Отец, связавший всю жизнь с лесом, хорошо разбирался не только в жизни животных и растений, но и владел магическими знаниями, например дежу делал из «мужского» и «женского» деревьев (магия плодородия) и давал обнюхать лошади:

Папа ушел на пенсию и дома уже делал бочечки, маслобочечки. Ну, вот дежу для теста, там была такая клепка, – из дуба. Из сосны, точнее ели и осина, чтоб брожение для теста было хорошее. Когда он делает эту дежу для теста, обязательно нес на конюшню, чтобы лошадь обнюхала ее. Вот тогда хлеб будет к любой хозяйки удаваться.

Когда семья переселилась в деревню, связь с лесом не исчезла. В лес гоняли на выпас скотину, там собирали полезные растения, ягоды и др. Интересны своей слитностью рационального и иррационального (демонизированная черная жаба, активизирующаяся в переломное время суток) объяснения, почему скотину надо в обед пригонять из леса:

Обед есть обед... В обед животных загоняли, корову, чтоб оводы не кусали. Или может в лесу черная жаба выдоить. Поэтому загоняли в это время, в обед.

Усвоенные с детства правила поведения в лесу и благодарность за его дары актуализируются и по сей день, передаются подрастающему поколению:

Идешь в лес, надо хусточку одеть, чтобы комарики не грызли, кофту с рукавами, сподничку довгеньую и галошки резиновые. Вот я иду в лес, возле церкви перекрещусь, «Отче наш» прочитаю. Идешь в лес, благодари Бога, что идешь туда. Вот идешь в лес, собрал грибов, ягод. Выходишь из леса – перекрестись, поблагодари Бога. Потому что это так надо. И это не только я так делаю, это у нас много кто так делает. Заходишь – прошишь, выходишь – благодаришь. Потому что это он дал собрать, и чтоб это все на пользу. Спасибо за силы, здоровье собрать это.

Традиционные, мифопоэтического характера запреты, связанные с представлениями о календарных «переходах», «свадьбах» животных, известны информанту, и они гармонично «уживаются» с приобретенными навыками и правилами общения с представителями природы, главное из которых: «Они своими делами занимаются, а ты своими»:

Воздвиженье – у змей как раз свадьбы какие-то, и они уходят куда-то. Прячутся на зиму в землю... Могут напасть, покусать. Но я была в прошлом году в Пружанской пуще 27-го... Ничего, видела змей, ужей... Не трогай. Не обращай внимания. Они своими делами занимаются, а ты своими. Идешь с Богом и выйди с Богом. Не делай вреда, ни человеку, ни соседу.

Это правило непосредственно связано с глубокой уверенностью в том, что все живое имеет душу:

Ну, мне кажется, во всех есть душа. У меня вот, например, кот Мырык. Он у нас уже 8 лет живет. Стоит нам уехать куда-то, нормально спит, допустим на работу в город. Но стоит не приехать вовремя, будет уже висеть на калиточке. [А когда животные умирают, что происходит с их душами?] – Ну, наверное, переселяются куда-то. Вы зайдите в лес и тихонечко прислушайтесь к деревьям. Никого нигде нет, а будет лететь птичка, ворона: «кар-кар-кар». И будет сообщать кому-то, что ты здесь есть. Косулька сидит в ягоднике со своим этим козленком. Ворона развернулась, «кар-кар-кар!» – сообщила, что ты здесь. У меня муж. У него есть желание вечером сесть на крыльце и курить. А собачка наша, Жулька, будет прыгать перед ним, лаять: «Не кури!» Если что-то плохое сделает, шkodное, будет в сторонке, а когда прощаешь, будет бежать, ноги облизывать. Возьмите корову – на лугу пасется. Вечером выйдешь с куском хлеба: «Ланька-Ланька!» – и она через заборы прыгала. Оно же тоже понимает, мозги есть.

Женщина, считает, что растения также имеют душу. Цветы, которые находились в комнате, где умирал человек, «прониклись» горем, «запомнили» смерть.

Поэтому мертвому цветы живые не носят. Их все везут на кладбище. И вазоны – их тоже везут на кладбище. Гроб стоял, они напитались. Нельзя трогать. Там слишком много слез, рыданий, сильно много отрицательной энергии. И вообще, дали туда, пусть там и будет.

Как и другие носители традиции, респондент выполняет запрет приносить что-либо с кладбища, в частности растения. Места в лесу, где «водит», «пугает», по ее мнению, когда-то были кладбищами, курганами.

Это такая зона с отрицательной энергией. Почему старые кладбища, мы же не знаем где когда-то, 100–200 лет назад, хоронили. А там же были деревни. Вот у нас Орховский лес. Там же раньше была деревня Орхово. А потом вот эти сады, семена сеялись-сеялись. Где раньше деревни были? Где вода текла, где влага. Там селились. Поэтому вырос лес. Заходишь в тот лес, кажется, километр туда. Иногда заблудишься так, будешь ходить кругами. На самом деле есть такие места. Это там, наверное, были когда-то захоронения или поселения, а потом захоронения. Это неуспокоенные души, как их называют.

С «неуспокоенными душами» связывается крик-плач птиц:

У нас тут курганы еще есть шведов. Вот, бывает, в лес вхожу. И бывает, что кругами будешь ходить. Там бывают такие птицы, они как плачут. Вот если попадаешь два раза на одно и то же место, сразу читай молитву «Отче наш». Снимай с себя, если в халате, халат, выворачивай наизнанку, одевай и дальше «Боже, помоги выйти». И все. Выйдешь.

Вместе с тем женщина считает, что на/в земле остается только тело, которое когда-то было из нее слеплено, а душа идет к солнцу:

Там тело, там земля, а душа – это энергия. Ну, может, в них [телах] этой энергии и остается немного, но я считаю, что энергия – это больше к солнцу относится. Энергия она сама по себе теплая. Почему покойник мертвый, холодный? Потому что с него энергия уже вышла. Вот туда, к солнцу... Из земли слепили, туда и пойдешь.

На вопрос, как себе информант представляет душу, получен ответ:

Душа это... Ой, девочки, вот как душу представить? Каждый душу по-своему представляет. Вот я считаю, то, что мы разговариваем – покойник не может говорить, мы сейчас видим – покойник не видит. А с высоты она же летает и видит покойника этого, и слышит его. Ну было же написано, что анатомы взвешивали тело человека до и после смерти – разница же есть.

Женщина считает, что на земле может быть и рай, и ад – каждый его сам себе создает:

Рай тут. Сам себе человек должен сделать рай. Так, как и ад. Один на этой земле проживет, как в аду, а другой проживет спокойно.

Важной составляющей этой райской жизни является природа, контакт с птицами и животными. Интересно, что человека из деревни, живущего

вблизи болота, где много гнездовой аистов, называют Боцён: «А он живет возле болота здесь у нас, а там аисты. А по-деревенски буслы, боцёны. Ну и как-то Боцён-Боцён».

Аисты с нами живут-живут. Мы тут с 82-го года, и вот они поселились тут и живут. Ну аист ж детей приносит. Жизнь продолжается. Когда они здесь поселились, живут, аистят не выбрасывают, не голодные, значит год будет хороший. А вот однажды выбросили одного, и год был неурожайный. Это примета: когда он летит – это для девушек молодых (может, переедет, замуж выйдет), а для пожилых когда будет летать – будешь бегать, жизни радоваться, а когда стоит на одной ноге – заболеешь. [А если веточку в клюве несет], это очень хорошо – будет спокойный год. А дождь будет, когда он сено несет, а не веточку.

Прогноз погоды и другие метеорологические приметы строятся на наблюдениях за поведением как диких, так и домашних птиц:

У меня, бывает, воробьи купаются. Это к дождю. Когда дождь начинается, а курица не прячется, значит, будет затяжной дождь. А кукушка кукует, когда черемуха цветет. Она обычно далеко от двора, не подлетает близко. Когда вот сорока прилетит – это к новостям, кто-то приедет или... Еще пауки могут [приносить новости].

Пауков женщина не убивает, а выбрасывает из дома живыми на улицу. На вопрос «почему?» отвечает: «Не знаю. Муху вот убью, а на паука рука не поднимается». Она как носитель традиционных верований считает, что мухи связаны со смертью:

Особенно, когда не вовремя (в зимнее время) снятся. Или даже, когда залетит муха зимой в дом – это к покойнику. А чтобы этого не случилось, надо подойти к окну, тихонечко постучать по стеклу и сказать: «Не вовремя». И все, ничего не будет. Или посмотреть в окно и сказать: «Куда ночь, туда и сон».

Когда в окно бьются птицы – «это вести, скорее всего хорошие». «Если снится медведь, тоже хорошо – в дом придет большой начальник». «Красный конь снится к пожару, черный – к смерти». На «Каляды» козу водили – «это очень хорошо – к деньгам». Отдельно женщина упоминает о лошадях и коровах, а также о связанной с ними «мифологизированной» ласке:

Я скажу, шо я в детстве, когда мы жили в лесу, у нас было две лошади. И одну забрали в лесничество. Лошадь привыкает к человеку. Мы, маленькие дети, прятались под ее хвостом, и она не трогала нас. [Хвост обрезают], бывает, запугивается, длинный, а телегу же запрягают, а там же

сидят. Когда-то в колхозы сдавали лошадей люди. Коллективное хозяйство. 51-е года где-то... лошади жили долго, я помню еще до 70-х годов. И лошадей называли именами хозяев. «Бери Прышлого и иди паши!» – а это фамилия Прышлы. Там Сервиянов конь, там еще чей... У нас так долго было, очень долго...

В народе, я помню крушину, кору снимали и поили лошадь, когда она не ела, шоб желудок работал. [А как выбирали коня?] Для работы нужно, шоб сильная была, для скачек – с длинными ногами, сами же знаете. [А карову?] – А корову... Вымя смотрят. Бывает, что большое вымя, а молока нет, мясное такое. Там тоже смотрели, доили ее... [А о возрасте животного как узнавали?] – Ну, у коровы кольца на рогах есть, у козы – тоже. У лошади цыгане по зубам определяют. [А як у вас называли коров?] – И Зорька, и Ланька была. Ланька, Лань – она такая красно-белой окраски была, такая красивая очень, рога такие красивые были, ровные. Зорька бело-черная была, и на лбу такая лысина.

Мифологический мотив «ласка заплетает гриву лошадям неправильно подобранной масти» логично перетекает в рассказ о взаимопонимании человека и хищника, а также в формулировку правила: «С животными нужно разговаривать»:

А бывают некоторые зверьки – ласки заплетают гриву лошади. Но иногда бывает, что она не взлюбит лошадь или корову, она так загоняет за ночь, что лошадь вся в пене будет. У меня вот ласка живет на чердаке, я с ней разговариваю, она на котенка похожа. Я ей говорю: «Вот яйца ешь, так ешь, а цыплят не трогай». И уже сколько лет у нас живет. С животными нужно разговаривать – и с котом, и с собакой...

И коты сами себя лечат... И людей – приходят, ложатся на ноги. А вот если снится [кот] – это враг. А собака – это друг, а если кусается – друг укусит.

Успешное разведение домашних животных – «вод» – предусматривало и выполнение некоторых магических практик:

Когда покупают свиней, у того хозяина, шо берешь, надо взять – и за ножку так соломой чуть-чуть. Даже мне так советовали. Шоб куры велись, надо у трех хозяев яиц купить и под курицу положить. Но хозяева не должны знать, шо это на подсадку. А на Каляды вокруг ножки стола три раза обвести надо [курицу с цыплятами], и они от дома никуда не уйдут. А потом, шоб они неслись, на Старый Новый Год, 14-го, берешь хозяйскую одежду, гречку, и через рукав насыпать курам.

А свинью надо колоть в полную луну. И сало тогда будет чистое, мясо – без крови. И надо правильно колоть, шоб кровь собрать. [А не жаль колоть?]. – Конечно, жалко. Вот корову хозяева собрались грузить, привели ее, отдали грузчикам, а корова посмотрела на хозяйку – и слезы потекли.

Сама видела это. Хозяйка сама заплакала, побежала в дом и больше не заводит коров... Коровы чувствуют, когда их ведут на бойню. Лошадь, шоб завести на машину, глаза ей завязывают, потому шо не пойдет... У всего живого есть душа. Почему червяк, обычное одноклеточное, и тот убегае? Все живое должно шо-то иметь.

Дискурс дочери охотника, лесника колеблется между сакральным и мирским, мифологическим и рациональным, включая индивидуальную мифологию, связанную с восприятием природного мира и человека в нем. Заканчивается рассказ формулировкой еще одного правила:

На Пасху, когда приходим домой, первый кусок хлеба нужно отнести в хлев скотине. Некоторые даже специально хлеб святят для животных. Шобы в первую очередь покормить их, а потом и сами садятся есть.

Таким образом, система традиционных представлений об охоте тесно связана с категориями как обыденного, так и мифологического сознания. Этот промысел пронизан комплексом мифологических представлений и связан с магической практикой. Отмечается особый характер взаимосвязей охотников с лесовиком, чертом, колдунами. Охотники, оставаясь частью социума, в ряде случаев наделяются демоническими характеристиками и функционируют как демонические персонажи. Отношение к ним амбивалентное – от уважения и даже страха до иронизирования над «валачашчымі» людьми.

Abstract

Hunting and hunters in the folk culture of Belarusians

The article reviews the history of hunting in Belarus and reveals the system of traditional ideas about hunting, which is closely related to the categories of everyday and mythological consciousness. It demonstrates that this craft is infused with a complex of mythological representations and is associated with magical practice. One also notes a special character of the relationship of hunters with foreign forces and beings. Hunters, while remaining a part of society, are in some cases endowed with demonic characteristics and equated with the category of “knowledgeable”, with sorcerers.

Keywords:

hunting, hunter, animals, hunting magic, folk culture

Abstrakt

Polowanie i myśliwi w kulturze ludowej Białorusinów

W artykule omówiono historię polowania na Białorusi oraz system tradycyjnych wyobrażeń o polowaniu, które jest ściśle związane zarówno z kategorią potocznej, jak i mitologicznej świadomości. Pokazano, że zajęcie to przenika kompleks mitologicznych wyobrażeń i wiąże się ono z magicznymi praktykami. Zaznaczono szczególnie charakter wzajemnych związków myśliwych z siłami i istotami nie z tego świata. Myśliwi, pozostając częścią społeczeństwa, w wielu przypadkach są obdarza-

ni demonicznymi cechami charakteru oraz porównywani do kategorii osób „wiedzących”, do czarodziejów.

Słowa klucze:

polowanie, myśliwy, zwierzęta, myśliwska magia, kultura ludowa

